

-Ну что? Все есть? — спрашивает паренек, выбегая на улицу и останавливаясь перед веселой толпой мальчиков.

- Все, как есть все, — отвечает торжественно один из них, — только свечей мало, кабы еще парочку добыть, так большущую вещь смастерили бы.

- Нате, вот целешеньких две притащил, — перебивает его радостно пришедший, подавая две сальные свечки. — У тятки выпросил. Уж и ругал-то он меня, за волосы оттаскать обещался, а все ж дал! Да вот еще красной бумаги лист выпросил, как жар горит, ажно больно глазам глядеть.

- Молодец Филька! — закричали пареньки.

- Куда ж мы? — спрашивает весь сияющий Филька.

- Да к Степке, у него в доме никого, одна бабушка с малыши возится.

- К Степке так к Степке! — и вся гурьба ребят повалила по направлению к небольшому, старому, низенькому домику.

- Никак, наши воротились! — говорит худая старушонка, заслышав топотню в сенцах. — Что так-то больно раненько! — и она направляется к двери в ту самую минуту, как толпа парней, со Степкой во главе, остановилась в сенцах, не смея войти. — Ну что ж вы там в горницу нейдете? — говорит ласково старушка. Ребята захихикали и выдвинули вперед Степку, тот шагнул через порог, а за ним и все. Старушка в удивлении попятилась, затем строго крикнула: — Чего набрались, пострелята?

- Бабушка, родненькая, — начал ласковым голосом Степа, - вещь мастерить хотим.
- Так вам и позволю! Всю горницу вверх дном поставите!
- Смирнешенько посидим, — завопили все, — пусти только!
- Хозяев дома нет, а я вас пущу! Как бы не так.
- Бабушка, пусти, — просит плаксивым голосом Степа. — У нас все с собой, только вот вещь мастерить позволъ.

- Ну вас! Только, чур, не баловать, а то вот чем угощу.— И она показала им большую кочергу, которой мешала в ярко топившейся печке. Ребята быстро разместились, повытаскивали из-за пазухи — кто лоскут цветной ткани, кто кусок сала или масла, тщательно завернутый в бумагу, кто мучицы на клейстер, кто ленту, кто картинку.

Самый опытный из них, Трошка, торжественно выложил тонкие, гибкие прутики молодого ивняка и принялся мастерить вещь и оклеивать лубочными, пропитанными маслом, картинками. Работы

было немало всем. Говором и хохотом наполнилась вся изба, и как ни грозила кочергой бабушка, а ребята так и шмыгали к печке — то подварить клейстер, то просушить готовую часть рождественского фонаря.

"Бабушка, ниточек", — просит один. "Вот кабы воску", — говорит заискивающим голосом другой. "Ишь, игла сломалась, а другой нет", — закидывает третий, поглядывая на бабушку. Та ворчит, но дает все, да еще в печку картошек в золу положила, Ребята лукаво переглянулись при виде этого крупного картофеля.

— А ну, ребята, — крикнул Трошка, — давай повторим стих!

Все разом гаркнули было "Рождество твое", да так громко, что спавший за занавеской ребенок испугался и заплакал, и тут кочерга бабушкина так ловко прошла по спинам и затылкам певчих, что они разом смолкли. Басистые и дискантовые голоса обратились в хныканье, просьбы не гнать и в торжественные обещанья больше не горланить. По мере того как формы фонаря стали определяться, бабушка смиловалась и с удовольствием разглядывала работу.

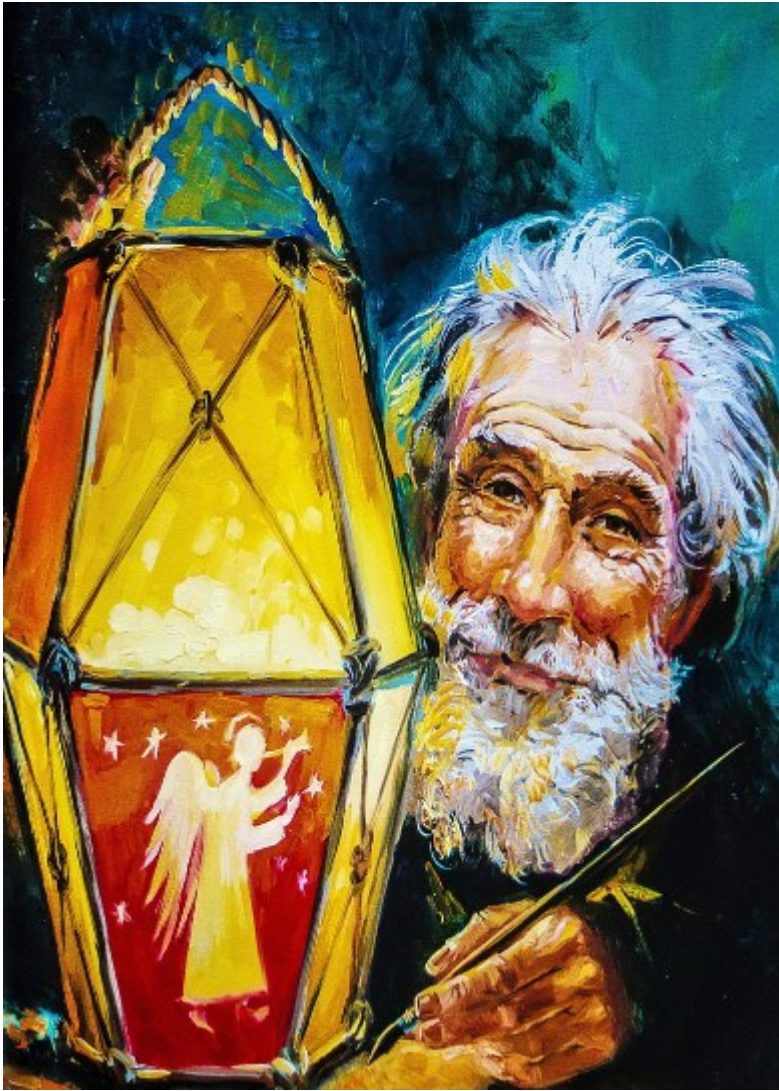
Ей вспомнилось ее детство и виденный ею в первый раз в жизни фонарь, вспомнились ей при этом восторг и удивление, с которыми она его рассматривала, чувство праздника, охватившее ее при этом светлом видении и славленьи. Пение ребят и светлый образ, выделявшийся в темноте ночи, ей показались тогда чем-то неземным, часто потом она видела во сне светлую звезду, украшенную пучками разноцветных лент и лоскутков. Вспоминались ей и девичьи субботки. Уж как весело бывало на этих субботках! Были две молодые вдовы Алтова да Преснина, так уж у них такой пир всегда шел, что весь год помнился. Примостят они, бывало, у печки скамейки, одна повыше другой, наставят разных закусок, девушки разоденутся и сидят на скамейках, словно картины писанные.

Для парней скамьи у дверей припасены. И купеческие сыны не брезговали бывать на субботках и разных лакомств и закусок нанесут полные узлы. А фонарь-то какой девушки мастерили! Хорош тот, что пареньки клеят, но их был еще лучше. Уж как Потап Ильич малевал на том фонаре Иродово мученье в аду да убиение младенцев, так уж никто лучше его не распишет. А уж на ясли, волхвов и Страшный суд так и купцы заглядывались. Засветят девушки в фонаре десяток свечей и начнут славленьем, а песни поют, да какие песни — одна другой лучше! А прибаутки так и сыпались. Вот и она познакомилась на субботках со своим муженьком.

Что ж, хорошо ведь как прожила она со своим Пахомычем, не дал ему только Господь долгого веку. Господня воля! И вдовой живет ей не ахти как худо: невестки ее берегут, почитают, внуки как красные яблоки в саду, молодость как вспомнится, так сердце вострепнется. Пойдут, бывало, девушки с фонарем из дома в дом, и в каждом-то им всего припасено.

Натешатся девушки фонарем и ребятишкам отдадут, те на салазки поставят — и марш Христа славить. Иные подростки мастерски про Ирода певали, хоть кого распотешат.

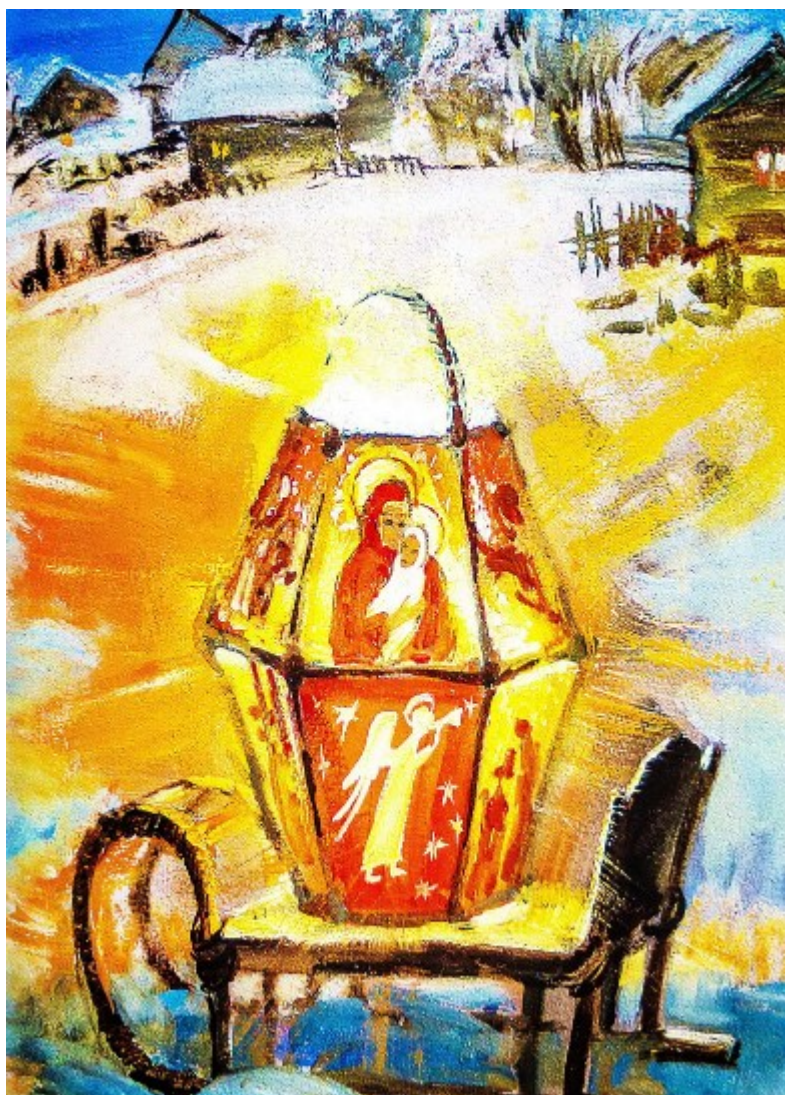
— А что, ребята, — обратилась она к работавшим, — дай я вас старой песне научу.

— Научи, научи, бабушка! — закричали ребятишки.

Старуха одернула кофту и затянула дребезжащим голосом:

Шел, перешел месяц по небу,
Встретился месяц с ясною зарею.
— Ой, заря, где ты у Бога была?
Где ты у Бога была, где теперь станешь?
— Стану я в Ивановом дворе,
В Ивановом дворе, в его горенках,
А во дому у него да две радости
Первая радость — сына женити,
А другая радость — дочку отдати.
Будь здоров, Иван Терентьич,
С отцом, с матерью, со всем родом,
Со Иисусом Христом, Святым Рождеством!

— Мы песню эту Трофимычу споем, — решил Трошка. — У него сын жених и дочь подросток. А голосу-то научи!

— Вот погодите, малый встанет, так поучу.

Вскоре и малый поднялся, и песня громко парням пропета. Вот уж и солнышко заходит, того гляди, хозяева приедут — пора по домам. Собирают парни все свое добро, фонарь на палку у печки ставят, бумагой закрывают — пусть попросохнет в тепле, а сами бегут веселой гурьбой на улицу. Бабушка принимается мыть и скрести стол, слегка охает и головой покачивает:

— Ишь пострелята, что напачкали!

Вот и святые вечера Рождества Христова настали. Всем отдых, всем свои радости. Ребята как сыр в масле катаются...

Жил на Руси такой великий святой - Серафим Саровский. Очень любил его народ и любовно называл батюшкой Серафимом. Во время святок, 15 января день его памяти.

Иллюстрации: М.Павлова.